

МОРДВИНОВ появился в моей жизни в дни, когда я только-только приступил к организации студии. Мне тогда казалось, что так просто создать театр! Но после первых попыток собрать «труппу единомышленников» я понял, что это совсем нелегко. И пришлось все начинать сначала, то есть с создания школы, с воспитания учеников, с тем, чтобы уже с ними, через студию, прийти к театру.

Вот в эти дни становления студии и пришел ко мне Мордвинов. И сразу же понравился своей искренностью, скромностью, увлеченностью театром. И хотя читал он на экзамене провинциально «трагично», и курчавые височки подчеркивали его претенциозность, я поверил, что все это наносное, одолжимое, что «материал» он великолепный, что из него выйдет толк.

В чем была сущность и истоки мордвиновского юношеского провинциализма? В уверенности, что мощь голоса, «демонические» страсти, устрашающий вид артиста-гиганта, неистовый темперамент, выливающийся в наигрышах трагической силы, и есть мастерство и выражение таланта.

Николай Мордвинов долго не мог отличить подлинную трагедийность от штампов трагического величия.

Ему хотелось страстно, до головокружения яростно быть сильным, могучим, великим.

Микеланджело, титаническая мощь его творчества были для Мордвинова великим образцом. Этой микеланджеловской титанической монументальности, сверхчеловеческой силы ждал от искусства и от себя в искусстве Мордвинов. И не только потому, что ему нравилось быть сверхличностью, гигантом, но и потому, что, с одной стороны, он ненавидел и презирал мещанство, а с другой — верил, что искусство может быть потрясающим, должно завоевать, подчинить себе и вдохновлять, подымать, восхищать... И рядом с величавым жило в нем нежное, человеческое, простое, как русская природа, как бескрайность ее волжских просторов, как ее закаты, тихие, щемящие; как лесня, заунывная, горестная; как неистовый, самозабвенный пляс.

Вот в этой близости к русской природе, близости к народу своему, безудержно удалому, отчаянно талантливому был весь Мордвинов с его достоинствами и недостатками.

Да, он был очень русским человеком и очень русским актером, крепко привязанным к земле, к человеческой жизни.

Мордвинов был не просто русский человек, он был великолепный русский человек — чистый, сильный, фанатично преданный тому делу, которому служил.

ДА ДЕЛУ театра он именно служил. Огромно было в нем чувство ответственности, огромна была его преданность тому искусству, в которое он верил, и был он полон стойкости — стойкости не показной, постоянной, не поддающейся соблазнам и тяжким испытаниям проверенной.

Таким Мордвинов был и в строительстве театра: всегда скромным, сдержанным, упорным в труде студийцем, исполнительным, безотказным, требовательным к себе и неистово работоспособным.

У меня с ним сложились своеобразные отношения. Как и всех моих учеников, я называл его на «ты», он отвечал почтительно «вы». На репетициях вел дневник. В переписанных от руки роли бисерным почерком вписывал малейшие мои замечания или советы. Но это не значило, что он обязательно со всеми предложениями соглашался. Он по-своему готовился к репетиции и по-своему перерабатывал замечания, подчас бывал упрям, своеволен, несговорчив.

Но его трудолюбие и убежденность покоряли, хотя и вызвали подчас сложное чувство: с одной стороны, мне было досадно, что он держится за свое, на мой взгляд, невыгодное для него или однажды уже использованное, ведущее к штампам. Но, с другой стороны, я не хотел никогда ине хочу в ак-

тере видеть только послушного исполнителя.

Мордвинов играл героев исключительных — Отелло, Лира, Арбенина. И тут так важно актерское самочувствие — «я ем», полноценное существование в роли, независимое, не ученическое, артистическое существование. И мне было чрезвычайно важно развить в нем самостоятельность, это его «я ем», помочь ему перейти из ученической студийности к самочувствию себя в центре спектакля.

Подчас Мордвинов терял себя: вдруг, помимо своей воли, видимо, скатывался на давно забытые приемы, впадал в преувеличения, начинал «петь». Вся его работа над голосом, дикцией, речью, жестами вдруг куда-то пропадала, исполненные оборачивалось нарочитостью, эффектной, старомодной позой. Но разве есть хоть один безгрешный актер на земле? По высокому сче-

темно-синия актерская прозодежда, а цветные детали дополняли костюм и его определяли. У Мюссе действует, постоянно сопутствуя ходу событий, хор крестьян, копошащихся в винограднике. Детали их костюмов — косынки, платки, подогнутые юбочки, передники и т. д. — все это было решено в гамме золотой осени. А в одежде аристократов господствовали тона фарфорово-розовых, темно-голубой, лилово-сиреневый — холодноватая гамма красоты. Так вот две тросточки героя помогали Николаю в жестикуляции. Он их то менял, то перебрасывал в хор, то снова получал оттуда. И в этом причудливом рисунке капризно летающих тросточек, подчеркнувшем «театральность» спектакля, прекрасно выявилось своеволье персонажа; исполнителю же это помогло изящно справиться со своими руками.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

БОГАТЫРСКИЙ ХАРАКТЕР

Юрий ЗАВАДСКИЙ,

народный артист СССР

ту истории только через годы и годы они становятся великими, и мы в них видим тогда одни достоинства!

Не только актеры, но и весь обслуживающий персонал, все в театре уважали Николая тем особым в театре уважением к большому артисту, для которого сцена и пребывание на ней священны. При нем стихал закусильный шепот, артисты становились серьезнее, рабочие сцены благоговейно подтягивались, все становилось праздничным, таким, каким и должно быть в настоящем театре!

Боялись ли его товарищи по работе? Нет, не боялись — стыдились. Он пристально смотрел на недостойного строгими, осуждающими глазами, смотрел молча, но в этом молчании были сила и власть.

А в кругу друзей, на какой-нибудь вечеринке, он бывал таким заразительно и безудержно веселым, таким «своим», без фокусов и зазнайства. Из этой «своекости» дружеских встреч возникало со всей щедростью таланта великолепный комедийный актер, актер кинучей жизнереальности, языческого жизнелюбия, ликующей поэтической энергии. Таким он был в «Ученике дьявола», а позже в «Укрощении строптивой» — вот где ему было «по себе», вот где ему было раздолье!

ОНИ возникают сейчас предомной — все его первые работы. И самая первая его большая и чрезвычайно трудная для него роль — в пьесе «С любовью не шутят» Альфреда Мюссе. Мордвинов только-только начинался как актер. И даже со своими фанатичными бачками, тщательно, чистенько, почти франтовато одетый, он был увальнем — этакий размашистый волжанин из маленького приволжского городка Ядрина. Хотя и ладно скроенный, он, еще не владея своим превосходным телом, поначалу казался малоартистичным, дубовато неловким. Особенно трудно ему было с руками: как с ними быть, куда их деть?

Я сочинил для него игру с тросточками. Их было две — одна с розовым, другая с голубым бантом. Цвет в спектакле был решен, как мне теперь кажется, интересно и убедительно. В основе всех костюмов была скромная и строгая

А потом пришел настоящий успех, создав Мордвинову репутацию, имя. В 1927 году, к 10-летию Октября, студия осуществила спектакль, определивший в том числе и ее судьбу. Это была инсценировка «Простой вещи» Б. Лавренева (авторы ее В. Балона и М. Чистяков — наши студийцы, оба принимали участие в спектакле и как исполнители).

О Мордвинове, который играл в этой пьесе Соболевского, много написано. Я тоже писал не раз, и повторяться не хочу. Коротко говоря, это был не просто успех, а настоящее достижение молодого актера: его Соболевский был воспринят как своеобразное открытие в сценической трактовке врага-белогвардейца.

Потом в очередь с Иосифом Михайловичем Тумановым он остро и по-своему сыграл авантюриста Меблиуса в пьесе Газенклевера «Компас», И, наконец, Дик в «Ученике дьявола».

Впервые по-настоящему открылось его дарование героя, если хотите, «героя-любownika», возникла его индивидуальность. Его Дик был живой, вольнолюбивый, захватывающий своей непосредственностью, мужеством, душевной щедростью, чистотой.

А дальше произошла полная неожиданность — Мордвинов — Мурзавецкий в «Волках и овцах» Островского. Я решился на эксперимент, хотел проверить в Мордвинове возможность характерного актера. Стараясь уловить зерно в сумбурных поисках актером характерности, я однажды загрифовал его таким, каким он вдруг почудился мне. Когда Мордвинов увидел себя в зеркале — длинноносый, с височными усами и горестно вздернутыми бровями, он сразу же «принял» образ, и с этой минуты роль у него пошла. Эксперимент удался. Мордвинов доказал, что он настоящий артист, способный к острому перевоплощению, к смелой форме, что он чувствует комедию.

Я ТАК подробно останавливаюсь на первых ролях Мордвинова потому, что все дальнейшее в той или иной мере, с той или с другой стороны развивало эти впервые тогда проявившие себя свойства Мордвинова-артиста. Передо мной проходят, толпятся,

спорят друг с другом герои Мордвинова, такие разные, что поражаешься, внимательно и прищипчиво оглядывая их сегодня, сколько же разнообразия, сколько богатства, какую наблюдательность, какое мастерство вмещал в себя этот художник.

Поручик Яровой — роль, которой он начал свой ростовский период. Его герой был весь вздыблен, яростен, нетерпим, почти безумен. И каким обаянием, какой заразной нежностью, юмором и кипучей живостью был наделен его Тигран в несовершенной пьесе драматурга Готьяла!

Рожденный на просторах Волги, Мордвинов, как никто другой, умел чувствовать природу, любил и понимал ее. Думаю, через песню, через поэзию, через природу так тонко понимал и чувствовал он Родину и русского человека — простого крестьянина, рабочего, живущих по законам естественным, невыдуманым, по законам правды, справедливости, суровой морали и человеческой нежности. Таким возник у него и Забродин («Ленинградский проспект» И. Штока).

Русские характеры (кстати, не случайно в своей программе чтеца Мордвинов ценил толстовский «Русский характер») — их много было сыграно Мордвиновым. Назову здесь лишь его колючего, вздорного, но яростно честного академика Верейского в «Законе чести», полковника Огнева из «Фронта» А. Корнейчука.

Патриотизм был у него в крови. И отсюда — Огнев, Забродин, другие образы советских людей. В их трактовке Мордвинов оставался верен своей теме утверждения величия душевной красоты человека.

Сколько ролей я еще не назвал?! А роли в кино! Хмельницкий, Котовский, в котором, конечно, есть прямая перекличка с Огневом.

И СОВСЕМ особый раздел в его художественном хозяйстве — концертные выступления. Сколько самостоятельно сделанных сложнейших работ — Демон, Калашников, Макар Чудра.

Демон — этот образ проходит через все творчество Мордвинова. Конечно же, Демон был и его Арбенин. Лермонтов был бесконечно любим Мордвиновым. Можно по-разному оценивать чтение им «Песни о купце Калашникове». Музыка Холминова, стилизованная «под старину», повела и его на стилизацию в исполнении. Но объективно Мордвиновым была проделана работа сложнейшая, огромная.

Последняя из его программ — «Отелло» (на музыку Юровского), где был он одновременно и Отелло, и Яго. Это особая тема в артистическом развитии Мордвинова. Своего Отелло в спектакле Театра имени Моссовета (как, впрочем, и Арбенина) он переделывал от спектакля к спектаклю, подчас кардинально пересматривая свои решения отдельных сцен. Но Яго? Это было совсем новое в его репертуаре, необыкновенно интересное! И музыкальное, как всегда у Мордвинова.

Да, он многое совершил, многое осуществил за свою жизнь. Но сколько бы мог еще! И сколько задумок роилось в его воображении. Сколько несыгранных ролей, неосуществленных спектаклей...

МОРДВИНОВ! Скромный, почти робкий, неловкий юноша первой встречи, он обратился в Человека, Художника, Мастера. И это есть его жизнь, итог ее, его преодоление самого себя, победа над теми, кто вообще ни во что не верит, над всем серым миром конности, которому он бросил однажды вызов и в борьбе с которым выковал свой богатырский характер, не утратив, а скорее утвердив как основу жизни и своего театра хрупкую нежность души, неутомимость, свежесть чувств и незамутненную хрустальность совести.

И пусть же таких Мордвиновых, похожих на него в главном, по сути близких ему, настоящих, естественных и жарких сердцем, самобытных и мощных, преданных великому делу создания советского театра, будет больше.

Множество единственных и неповторимых!